

Они не сумели приспособиться к новым условиям, не нашли в себе сил вырвать с корнем дурное наследство старой эпохи, не смогли пойти в ногу с жизнью молодой, зеленой, бьющей через край и залечивающей старые раны,—и жизнь без сожаления уходит от них, покидая их на пути.

Кто из нас вздохнет о них с сожалением?

О МЕМУАРАХ ВИТТЕ ¹⁾.

М. Н. Покровский.

Витте был, безо всякого спора, крупнейшим государственным человеком империи Романовых за два последние царствования. В истории России он станет рядом с Канкриным—и может-быть, выше, рядом—но, вероятно, несколько ниже—Сперанского.

От воспоминаний государственного деятеля такого масштаба ждешь очень много. Они могут дать больше записок иного царя, и во всяком случае больше дневников таких царей, как два последние Романова. Ибо ведь в действительности-то от их имени и управляли люди, подобные Витте.

Впечатление, которое дает I том (единственный, имеющийся у нас; за границей вышел уже и II), несколько разочаровывающее. Не то, чтобы в книге не было интересных фактов: их очень много. Но общий тон—тон обычных *чиновничьих* воспоминаний. Тщательно отмечаются все случаи, когда тот или иной министр был назначен по его, Витте, рекомендации, а также все случаи, где его обошли: от чего, конечно, было не без беды. Подробно смакуются все обычные в больших и малых канцеляриях анекдоты, как такой-то попал в милость к такому-то потому, что умел угодить его жене и т. под. В конце-концов, читатель утомляется и готов закрыть книжку—слишком уже не до бюрократических анекдотов в наши дни. Но неожиданно блеснет яркая мысль или выплывет очень крупный, совсем не «анекдотический» факт, и снова прикует ваше внимание. И нужно сказать, чем дальше к концу книги, тем меньше хочется ее бросить. Можно думать, что II том будет еще интереснее первого.

Для широких кругов читателей, несомненно, новостью будет воинственность последнего Романова, как будто воевавшего только по необходимости и вовлекавшегося в войну другими. На самом деле Николай II драчливостью, несомненно, превосходит не только отца, но и деда, и был в этом отношении достойным тезкой Николая I. Характерно при этом, что оба Николая на полях сражений никогда не бывали: первый *почти* никогда, а второй совсем ни разу. Его отец сравнительно был боевым

*) *Граф С. Ю. Витте*. «Воспоминания.—Царствование Николая II». Т. I, 1921. Книгоиздательство «Слово», Берлин.

генералом, чем, вероятно, и объясняется осторожность его внешней политики, стяжавшая ему в льстивых устах имя «миротворца». Александр III понимал, что с войной не шутят. Сын его этого не понимал, и начал свое царствование с авантюры, не представляющей, правда, секрета для тех, кто видал архивные докуметны 1890-х годов, но, поскольку эти документы не напечатаны еще, соответствующая глава мемуаров Витте (VI) явится для подавляющего большинства читателей настоящим «разоблачением». В этой главе подробно рассказывается о *проекте захвата Босфора в 1896 году*,—проекте, подсунутом тогдашним послом в Константинополе, Нелидовым, и утвержденном Николаем, который очень дулся на Витте за его противодействие в этом случае. Операция была вполне подготовлена даже технически, и из «Воспоминаний» не совсем ясно, что помешало ее осуществлению. Повидимому, это было не совсем ясно и для самого Витте—он колеблется между предположением о вмешательстве в. кн. Владимира и Победоносцева (им инспирированных) и «влиянием той силы, которая руководит всем миром и которую мы называем богом». Весьма вероятно, что и бог, и обер-прокурор синода имели за спиной сильного союзника в лице Франции, которая не могла не понимать, что захват Константинополя Россией будет сигналом к мировой войне, а Франция была как раз накануне анти-шовинистической реакции, нашедшей свою высшую точку в деле Дрейфуса. Роли переменялись: в свое время Александр III схватил за фалды «реваншаров»¹⁾—теперь тот же спасительный жест относительно его сына могла повторить французская дипломатия.

«Разоблачениями» на счет Николая II полна книга, но другие не столь значительны. Что Николай был на «ты» с кн. Мещерским (издателем «Гражданина»), это давно известно,—от Витте мы узнаем лишь, что это был единственный человек, с которым последний царь был на «ты»: по крайней мере, единственный, не принадлежавший к семье Романовых. Не новость, что Николай «с трудом терпел людей, которых он в душе почитал выше себя в моральном и умственном отношении—только при нужде». Но пикантно это слышать от одного из его министров, служившего ему «верой и правдой» и не терявшего надежды служить и в будущем (Витте писал свои «Воспоминания» между 1907 и 1912 годами). Еще пикантнее прочесть такую откровенность того же министра: «Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы императора проходивцу Дубровину, председателю союза русского народа (3 июня 1907 года). Телеграмма эта в связи с манифестом о роспуске второй Думы показывает все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора» (стр. 245). О психической ненормальности Александры Федоровны также говорится совершенно определенно (стр. 176).

Все эти признания тем ценнее, что в принципиальной преданности Витте «православию и самодержавию» не может быть никаких сомнений. Человек, для которого Хомяков был первым русским писателем (стр. 446),

¹⁾ Сторонников «реванша», т.-е. расплаты с Германией за войну 1870—71 года и возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии.

который после заключения Портсмутского трактата «молился так горячо, как никогда» (стр. 392), который находил очень хорошим обычаем, что в семье Гогенцоллернов Вильгельму II целуют руку (стр. 108)—и сам поцеловал руку Николаю, когда тот сделал его графом (стр. 423),—человек, наконец, для которого Милюков (1907 года) и даже Набоков, даже академик Шахматов (!) были «тайными республиканцами» (стр. 489), такого человека трудно заподозрить в «вольномудстве». Александру III он был безгранично предан (с теплого воспоминания о нем начинаются мемуары— в том виде, как они опубликованы: напечатано далеко не все). И если даже Витте по поводу Николая вспоминает о Павле Петровиче (стр. 3 и 5), это стоит больше, чем сотни анекдотов, идущих из либеральных кругов.

В памяти общества характеристика самого Витте двойится. В 90-х годах он слыл «либералом»: революция и опыт его «конституционного» министерства, в 1905—6 гг., стяжали ему репутацию лютого реакционера. «Воспоминания» расшифровывают эту загадку, которая, впрочем, для мало-мальски посвященных загадкой никогда и не была. Витте был, несомненно, «либерал» в том условном понимании этого слова, в каком оно прилагалось, например, к Николаю Милютину: то есть Витте был анти-крепостник. На этот счет его мемуары не оставляют ни малейшего сомнения. Крупный делец буржуазного типа, практик-железнодорожник раньше, чем он стал сановником, Витте не мог не быть другом промышленного капитала, а быть другом промышленного капитализма и дружелюбно относиться к остаткам крепостничества—две вещи несовместные. Можно поверить ему, когда он рассказывает о своих неоднократных попытках ликвидировать институт земских начальников и уничтожить выкупные платежи. Круговая порука не имела более непримиримого противника. Чрезвычайно любопытно проследить (особенно здесь поучительна глава XXXII—«Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 года») эту объективную власть исторической диалектики над мозгом, воспитанным на Хомякове под надзором генерала Фадеева. Но именно дружба с капитализмом делала для прозорливого Витте невозможным быть анти-крепостником до конца,—до отрицания и самодержавной верхушки общества.

Витте ничего не имел бы против конституции дворянской и буржуазной. «Имена пострадавших дворян-декабристов чтутся ныне весьма и даже царями (!), как личности, несомненно, светлые». Знаменитую записку о земстве и в свое время многие рассматривали, как ловко замаскированную попытку доказать необходимость для России конституции, стр. 436 «Воспоминаний» устраняет на этот счет все сомнения, у кого они и были. Витте упрекает лишь дворянство за то, что оно эгоистично хотело конституции *для себя*. «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним. Многие из них проглядели образование буржуазии, третьего сословия, *сознательного пролетариата*» (курсив наш М. П.).

И вот этот-то «сознательный пролетариат» и заставлял Витте во внутренней политике лавировать так же, как его кумир, Александр III,

лавировал в политике международной. «Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией—с этим оно мирилось; но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем, последний для сих близоруких деятелей вдруг, только в сентябре 1905 года, появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности, и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который *не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы*. Вот, когда дворянство и буржуазия увидели сего зверя, то они начали пятиться, т.-е. начал производиться процесс поправления»¹⁾.

Переведите эту тираду с языка озлобленной буржуазной реакции на язык объективной истории—вы получите знакомую нам формулу: пролетариату нечего терять, кроме цепей, и потому он один способен довести революцию до конца. Витте уже в 1907 году видел и понимал то, чего не видели и не понимали ни Милюков, ни Керенский в 1917 году. Настолько этот верный царский слуга был прозорливее тех «тайных» и не совсем явных «республиканцев», которые шли ему на смену.

А так как этот верный царский слуга отнюдь не желал революции, был злейшим (хотя отнюдь не тупым) врагом социализма (стр. 442) и величайшим поклонником индивидуальной собственности, без которой, как он правильно рассуждает, не было бы индивидуализма вообще, а без индивидуализма для него не было бы и всей культуры («без преклонения перед «я» не было бы ни Ньютонов, ни Шекспиров, ни Пушкиных, ни Наполеонов, ни Александров II и пр., и не существовало бы чудес развития техники, богатства, торговли и пр., и пр.»), то свою задачу он и видел в объединении всех собственников против социализма и пролетариата. То, что было для либеральной буржуазии до 1905 года главным, конституция, для него было неизбежным, но второстепенным, и притом не на сейчас, когда у дверей стоял разъяренный «зверь»—сознательный пролетариат, ищущий «проглотить все, что не его породы», т.-е. уничтожить весь буржуазный строй. *Сейчас* самодержавие было нужнее. И он при таких условиях, вероятно, искренно не понимал, как буржуазия может отказываться от кооперации с самодержавием. Но буржуазия упорно не хотела оставлять своей классической позиции—между двух стульев. И для того, чтобы сковать «зверя» хоть на короткое время, понадобился кулак крепостника, столь ненавистного для Витте. Его антипатия к Столыпину мало чем отличалась от чувств, которые питала к этому последнему крайняя левая, а для Пуришкевича и К⁰ у него нет другого имени, как «сволочь». Но нечего было делать—кромѣ «сволочи» никто не мог задержать революцию хоть на полчаса. И точно та же картина—крепостника, пытающегося спасти буржуазные «животы»,—должна была повториться десять лет спустя, после уже того, как случилось то, до чего надеялся не дожить (и не дожил в самом деле) Витте,—гибель династии. Жутким пророчеством веет от этих слов последнего государственного человека

¹⁾ Стр. 436—437. Курсив наш. М. II.

старой России. «Сверху пошел клич—все это крамола, измена, и этот клич родил таких безумцев, подлецов и негодяев, как иеромонах Илиодор, мошенник Дубровин, подлый шут Пуришкевич, полковник от Котлет Путятин и тысяча др. Но думать, что на таких людях можно выйти—это новое мальчишеское безумие. Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай Бог, чтобы сие не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов»... (стр. 446).

Издана книга в техническом отношении превосходно, а в редакционном оставляет желать очень много. Местами текст так исковеркан, что добраться до смысла решительно невозможно (для примера можно взять стр. 200, конец первого абзаца,—но это один из очень многих случаев). Два предисловия—И. В. Гессена и вдовы автора—выясняют историю рукописи мемуаров. Но согласиться с первым, что Витте был промежуточной фигурой между дворянством и буржуазией, своего рода русским Бисмарком, очень трудно: будь он таким «посредником», его судьба была бы другая. Его личная политическая неудача тем и объясняется, что он представлял собою великого русского неудачника в политике—промышленный капитализм.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И КРУШЕНИЕ ИСТИНЫ.

(Страницы из истории гибели одной культуры).

Проф. П. Преображенский.

Великое дело—обладание единой и бесспорной, один раз навсегда установленной истиной. Наличие таких истин интересно не только для философа, но и для социолога. Если они налицо — это признак органичности и здоровья данной культуры, ее уверенности в самой себе. Но горе, если появляются сомнения, если на мощном и величественном здании идеологии появляются трещины и скрепа его стен начинает разлагаться—это признак того, что рано или поздно трещины разрастутся, здание рухнет и только могильный плющ украсит развалины в назидание потомкам. Европейское буржуазное общество долго считало себя обладателем таких вечных и незыблемых истин. Они казались ему столь же устойчивыми, как сама его социальная структура, как весь его общественный и государственный строй, основанный на угнетении одних классов общества другими. Буржуазный экономист был уверен, что законы и механика товарного хозяйства так же вечны, как мир; философ и моралист провозглашал незыблемость своих познавательных и нравственных категорий; богослов не сомневался в том, что европейское христианство XIX века—венец всей религиозной эволюции человечества. Вульгарность в области